

УДК 371.124(091)
ББК 4403(2)6-4

ГСНТИ 14.35.07

Код ВАК 13.00.01

Попов Михаил Валерьевич,

доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26; e-mail: m-v-popov@yandex.ru

Протасова Эльвира Евгеньевна,

доцент, кафедра истории России, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26; e-mail: protasova@ek-ocenka.ru

**РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В ОТНОШЕНИИ УРАЛЬСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА В 1930-Е ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общеобразовательные учебные заведения; школьные реформы; всеобуч; политические репрессии; сельсоветы; коллективизация; учителя; общественные работы; советская педагогика; сталинский режим; контрреволюционная агитация; шпионаж; троцкизм; история советской педагогики.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу репрессивной политики советского руководства против уральского учительства в 1930-е гг., в период реализации программы «Большого скачка», составной частью которой являлась программа введения всеобщего обязательного начального обучения и семилетнего образования. Срыв планов всеобуча, трудности в выполнении поставленных перед учителями задач, недостаточность материальных возможностей привели к тому, что большевистское руководство стало объяснять эти недостатки и сложности происками «врагов народа» в системе образования, среди рядовых преподавателей, что привело к усилению репрессивной политики государства по отношению к учительскому корпусу во второй половине 1930-х гг. В статье анализируются изменения, произошедшие в политике советской власти в сфере образования, которые отразились в методах воздействия при осуществлении программы всеобуча: от административных в начале 1930-х гг. до террористических, репрессивных после 1934 г., целью которых было добиться любыми способами выполнения плановых «показателей введения всеобуча». Особое внимание в статье уделено сельским учителям уральского региона, которые осуществляли свою профессиональную деятельность в условиях проведения сплошной коллективизации. Репрессивные методы, отработанные большевистским руководством при осуществлении колхозного строительства, переносились и на сельских учителей. Авторы статьи обращают внимание на то, что на протяжении 1930-х гг. происходили чистки работников просвещения по социальному происхождению, классовому признаку, политической неблагонадежности. Меняется и характер наказания за невыполнение установок руководящих органов: от административного взыскания и увольнения до суда «тройками» и высшей меры «Советского правосудия».

Popov Mikhail Valerievich,

Doctor of History, Professor, Department of Russian History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Protasova Elvira Evgenievna,

Associate Professor, Department of Russian History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REPRESSIVE POLICY OF THE SOVIET AGAINST TEACHERS IN THE URAL IN 1930-S

KEYWORDS: educational establishment; reform of school; Vseobuch; political repressions; village council; collectivization; teachers; social work; Soviet pedagogy; Stalin regime; counter-revolution propaganda; espionage; Trotskism; history of Soviet pedagogy.

ABSTRACT. The article analyzes repressive policy of the Soviet Government against teachers in the Ural in 1930-s when the program “Great Leap” was implemented; a part of the program prescribed introduction of compulsory secondary seven-year education, the so-called Vseobuch. Disruption of the plan to educate everyone, the difficulties that the teachers faced and lack of financial support led to repressive policy against teachers in the Urals in late 1930-s, as the Bolsheviks explained the failure of the program by the activity of the “enemies of the people” among the teachers. The article analyzes the changes in the Soviet policy in the field of education, which manifested themselves in the measures taken by the government – from administrative in the beginning of the 1930-s to terrorist and repressive after 1934. Repressive policy aimed at fulfillment of the plan to educate everyone (Vseobuch). Special attention is paid in the article to village teachers in the Ural, who had to perform their duties along with collectivization. Repressive measures, practiced by the Bolsheviks when collective farms were introduced, were used against village teachers too. The article pays special attention to the fact that during 1930-s there were purges of the teaching staff according to the social status, class belonging and political unreliability. Punishment for violation of the orders from the Government changes: from administrative fine and dismissal to imprisonment.

Рубеж 1920-1930-х гг. вошел в историю Советского Союза как период «великого перелома» в хозяйственной и общественно-политической жизни страны. Учителю с этого момента выполняет функцию идеологической поддержки государственных социально-экономических инициатив, что, соответственно, меняет отношение власти к работникам народного образования. С одной стороны, роль учителя как проводника линии партии усилилась, с другой стороны, благонадежность учителя определялась неуклонным выполнением партийно-государственных требований.

Программы форсированного введения всеобщего в начале 1930-х гг., а во второй половине 1930-х гг. и семилетнего образования требовали охватить обучением до 100 % детей школьного возраста в стране. «Гигантская» программа «буксовала» по разным причинам: из-за отсутствия необходимой материальной базы, из-за недостатка финансирования из центра, недостаточности подготовленных учительских кадров, психологии русского крестьянина, который в начале 1930-х гг. сопротивлялся всеобщему, воспринимая его как элемент той же системы государственного принуждения, результатом которой была коллективизация, и не сразу осознал все дивиденды образования для его детей, а лишь со второй половины 1930-х гг. стал понимать его как единственную возможность улучшить жизнь своим детям. Образование стало восприниматься, как «билет» для отъезда из колхоза в город, где жизнь казалась легче и счастливее, или другая альтернатива – продвижение в сельской среде воспринималась тоже через образование.

Ответственность за невыполнение программ всеобщего и семилетнего образования партийные органы прямо возлагали не только на представителей местных органов образования, но и на рядовых учителей. Поиск «врагов», срывающих планы социалистических преобразований как в экономике, так и в культуре и образовании, привел к усилению репрессивной политики государства по отношению к работникам просвещения во второй половине 1930-х гг.

Длительное время вопросы, касающиеся репрессий в нашей стране и в частности репрессий против педагогических кадров на Урале в 1930-е гг., замалчивались в отечественных исторических исследованиях, так как существовала политическая цензура.

В исследованиях советских уральских историков П. В. Гришанова, В. Г. Чуфарова

и др. [5; 29] по истории народного образования в советский период вопрос о репрессивной политике против деятелей образования не поднимался, в силу того что в ряде случаев материалы архивов по этой проблематике не были доступны для исследователей. Гриф секретности не позволял объективно освещать многие вопросы. Эти работы были написаны в историко-партийном духе и в них деятельность партийно-советского руководства при осуществлении программы всеобщего получала целиком положительную оценку, хотя она была неоднозначной.

В работах современных зарубежных авторов по советской истории 1930-х гг. проблема репрессий против различных слоев населения, в том числе учительства, нашла свое отражение. Примером является книга американского историка Юинга Е. Томаса «Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы в 1930-е гг.» [31]. Характерно, что данное исследование написано на основе широкого круга источников, включающих значительное количество региональных материалов, в том числе и уральских.

Однако еще в начале 2000-х гг. уральские историки М. В. Суворов и Э. Е. Протасова обратились к изучению этой проблемы в совместной работе «Репрессии против учителей Урала в 1937-1938 гг.» [16, с. 179-182].

В последующем специальные разделы о репрессиях против учителей на Урале посвятили в своих диссертациях С. В. Сосновских «Политические репрессии на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отечественной историографии» [15] и И. С. Шилова «Репрессивная политика советской власти в отношении технической и педагогической интеллигенции в 1930-е гг.» [30].

Цель данной работы – выявить особенности и изменения в репрессивной политике советской власти в отношении учительства в 1930-е гг. на примере Урала, а также дать оценку действиям властных органов, которые, используя незаконные методы устрашения и фальсификации добропорядочных граждан, объявляли их «потенциальными врагами народа», вредителями, шпионами, троцкистами.

Насильственная, противоправная политика по отношению к учителям имела место и в самом начале осуществления программы всеобщего. Но если в начале 1930-х гг. при непослушании властям, невыполнении ее распоряжений к учителям применялись меры административного воздействия, которые

были первой ступенью к «раскачиванию» репрессивной машины, то со второй половины 1930-х гг., когда волна репрессий приняла массовый характер, под нее попадали как руководители народного образования, так и рядовые учителя.

Уже в начале 1930-х гг. большевистская власть использовала репрессивный механизм для решения различных экономических и социальных программ. Людей «перемещали», «перераспределяли» с одного трудового «фронта» на другой в зависимости от потребностей государства на данном этапе социально-экономических преобразований. Так, в начале 1930-х гг. из-за недостатка учителей появляются такие формы пополнения их рядов, как выдвижение и мобилизация на педагогическую работу. Органы народного образования принимали на работу без трудовых списков, без документов. В одном из объяснений чиновника местного отдела образования приводится такое обоснование приема на работу в тот период: «Видно, что хорошо пишет, значит, надо принять, а кто такой, стаж работы и т. д., сказать трудно» [18, л. 126].

Так как учителей не хватало, особенно в сельских районах, то 23 сентября 1930 г. СНК РСФСР издает Постановление «Об откомандировании на педагогическую работу учителей, работающих не по специальности», которое в обязательном порядке обязывало откомандировать все лица, которые окончили специальные учебные заведения и работали не менее года в качестве преподавателей, на учительскую работу. Желание человека не имело никакого значения [9, с. 689]. В случае отказа от работы предлагалось привлекать граждан к административной ответственности.

В условиях осуществления сплошной коллективизации в сельских районах Урала насилие по отношению к учителям проявлялось в государственной политике по отношению к материально-правовому положению школьных работников. Многочисленные примеры свидетельствуют об этом. В Нагабайском районе Челябинской области учителей выселяли из квартир, чтобы поселить чиновников различного уровня. В одном сельсовете учителя выселили из квартиры, чтобы там мог получить жилплощадь работник ГПУ [8, л. 30].

Неуважительное отношение к учителям было характерно для многих местных руководителей. Так, в Нижнетагильском округе учительница Шипицинской школы обратилась к члену Махневского сельсовета Анисимову с просьбой выдать зарплату, на что получила ответ: «Теперь проходит индустриализация страны, деньги нужны гос-

ударству, а потому учительницы могут ходить голодными» [12, с. 22].

Председатели сельских советов чувствовали себя хозяевами и относились к учителям как к своим собственным работникам. В Краснополянском районе Ирбитского округа учителей заставляли караулить ночью амбары с семенными фондами. В Троицком округе председатель Андреевского сельсовета «мобилизовал» двух учительниц на три ночи разбирать архив [12, с. 22].

Форма протеста учителей в тот момент против таких незаконных действий представителей местной власти была разной. Но чаще всего – бегство учителей с мест работы. В Нытве из 50 учителей в 1930 г. 20 подали заявление об уходе, в Ильинском районе – 23 учителя, в Чашинском районе Курганского округа – 13 человек, в Арамилском районе – 40 учителей [12, с. 22].

В селах Чудиново, Армизон, Щучье и в ряде других районов Уральской области уволилось с мест работы до 70 % учителей. [6, с. 19]. Уход учителя с места работы рассматривался местными чиновниками как дезертирство, безответственное отношение к своим профессиональным обязанностям, и даже «шкурничество» [12, с. 23; 6, с. 19]. Конечно, все вышеизложенные факты тщательно разбирались властями, публиковались в прессе, но оценивались не с правовой точки зрения, а с политической. Все трудности и недостатки объяснялись в тот момент «оппортунизмом», происками классовых врагов, политической близорукостью и т. п.

Большое влияние оказала на правовое положение уральского сельского учителя коллективизация. Учителей насильственно заставляли вступать в колхозы. Уже в начале 1930-х гг. учитель часто становился объектом для произвола со стороны председателя колхоза или сельсовета. Как правило, положение учителя после вступления в колхоз оказывалось гораздо хуже, чем крестьянина-колхозника. В колхозный фонд с зарплаты взимался слишком большой процент, который доходил до половины оклада, а иногда поглощал и весь заработок. Например, в Шадринском округе по колхозам и коммунаам в 1930 г. взносы составляли от 10 до 80 % [11, с. 157].

Были коллективные хозяйства, где вся зарплата шла в кассу колхоза, а так как колхоз только что организован и в достаточной мере материально обеспечить учителя не мог, то он (учитель), как говорится в источнике, «сидит на одном хлебе и воде и не на что даже себе обувь починить» [11, с. 157]. Эти явления были типичными для того времени и наблюдались во многих округах Уральской области [11, с. 157].

Сельских учителей выручали приусадебные участки и домашний скот. Однако преобладали бескоровные учителя. Объясняется это тем, что учителя не могли заниматься заготовкой кормов для скота в силу загруженности общественной работой. Кроме того, типичными были случаи посягательства со стороны колхозов на льготы и условия работы, которые были закреплены за учителями: размер отпусков, нормы рабочего времени и т. д. Так, в Шадринском районе в коммунае им. С. М. Буденного учителям не давали отпусков, а рабочий день устанавливали наравне с колхозниками – 10 часов [11, с. 158]. Учителя должны были выступать защитниками колхозной политики, поэтому нередко становились в этот период жертвами озлобленных крестьян.

Учитель был «задавлен» общественной работой, имел до 7-8 общественных нагрузок. В Шадринском районе при проведении обследования Уралом было выявлено, что учительница Казилбайской школы помимо заведования школой имеет следующие неоплачиваемые поручения: председатель ревкомиссии колхоза, председатель лавочной комиссии сельпо, председатель примирительной камеры, секретарь ячейки Союза воинствующих безбожников, воспитатель-обследователь опекаемых детей-сирот, ликвидатор неграмотности и др. [11, с. 158]. Времени на выполнение чисто профессиональных обязанностей просто не оставалось. Но и отказаться от общественной нагрузки тоже было нельзя, воспринималось это как проявление «оппортунистических настроений».

Как известно, ужесточение политических репрессий начинается в середине 1930-х гг. после убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. С этого момента за критические, порой неосторожные высказывания в адрес партийно-советского руководства органы НКВД по доносам осведомителей начинают привлекать граждан к уголовной ответственности за «контрреволюционную деятельность», в том числе и учителей. Так, в апреле 1935 г. Управлением НКВД по Мангажскому району Свердловской области было выдвинуто подобное обвинение директору Мангажской неполной средней школы С. М. Крылову и четырём учителям этого учебного заведения. Основанием для обвинений в контрреволюционной агитации были два факта. Первый факт следующий: «Начиная с момента обсуждения Постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР об отмене карточной системы и вольной продаже хлеба педагогический коллектив высказывал свое мнение, что это постановление контрреволюционное, жизнь педагогов не улучшается, а наоборот – голодают» [4, л. 182]. Второй факт: «Крылов 5 декабря

1934 г., находясь в квартире Тихомирова (учитель Мангажской школы – авторы), в момент передачи об убийстве Кирова, предложил Тихомирову выключить радио со словами «много чести делают Кирову и высоко ценят Сталина», радио выключил со словами «надоело слушать»» [4, л. 182]. Учителя были подвергнуты аресту, следствие по делу длилось около восьми месяцев, и, хотя суд признал обвинения необоснованными и недоказанными, все фигуранты были освобождены под подписку о невыезде [4, л. 237-245]. Подобный факт был грозным предзнаменованием событий, которые развернулись в 1937 г.

В то же время в середине 1930-х гг. государством были предприняты меры для того, чтобы повысить престижность учительского труда. В апреле 1936 г. Постановлением ЦИК и Совнаркома СССР были введены персональные звания для учителей начальных и средних школ [7, с. 460]. 10 июня 1936 г. опубликовано Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке перевода и назначения учителей», по которому каждый учитель после утверждения районным отделом народного образования получал подтверждение в Облоно [7, с. 460]. Для определения квалификационной пригодности учителей в 1936 г. по всей стране были введены аттестационные комиссии. Это совершенно новое явление в образовательной политике советской власти. И однозначно к нему относиться нельзя. С одной стороны, определять квалификацию учителей было необходимо для улучшения качества преподавания. С 1 июня 1936 г. в Свердловской области работало 5 комиссий по аттестации учителей. Выявление квалификации происходило в форме продолжительных бесед (от 20 до 40 минут). По результатам работы аттестационных комиссий в Свердловской области к званию учителя начальной школы в 1936 г. было представлено всего 160 учителей, допущено к педагогической работе с обязательным окончанием соответствующего учебного заведения 424 учителя, освобождено от работы 82 педагога, 16-ти назначены новые испытания, о 22-х вопрос оставлен открытым до проверки на уроках [19, л. 20].

С другой стороны, компетентность членов комиссий, определяющих профессиональную пригодность учителя, не всегда вызывала доверие, если учесть, что в их состав входили инспектора-назначенцы, которые часто имели образование в объеме начальной школы. И, как следствие, учителям-практикам, получившим образование до революции, проработавшим 15-20 лет в школах, не присваивали звания учителя [23, л. 94]. К учителю чаще всего подходили с точки зрения его политической пригодности

сти. Отмечалось, знает ли он «Манифест Коммунистической партии», произведения В. И. Ленина, И. В. Сталина, Н. К. Крупской [20, л. 65]. В ходе деятельности аттестационных комиссий выявлялись и «чуждые, враждебные» элементы. На протяжении 1930-х гг. происходили чистки учительского состава по классовому признаку, по происхождению. В ходе чисток обращалось внимание на так называемый уровень «политической грамотности» учителей.

Нередко требования, предъявляемые к учителям со стороны прежде всего входивших в аттестационные комиссии чиновников, были значительно завышены, а порой и надуманны, т. к. аттестуемые обвинялись в «недостаточной политической активности» и «слабой политической грамотности». В начале 1938 г. со стороны учителей в Свердловской области была подана 221 апелляция на решения аттестационных комиссий, 142 заявления учителей были признаны обоснованными, и решения комиссий были изменены. При рассмотрении апелляций 26-ти учителям были присвоены персональные звания, 70 человек были допущены к работе в школе [17. 1938. 28 февр.].

Иногда учителя своими высказываниями или действиями откровенно бросали вызов советской идеологии. Вот какой пример приводит в своей работе Юинг Е. Томас: «Один свердловчанин предложил такое еретическое толкование причин и последствий русской революции: «Когда рабочие брали власть в свои руки, то в это время ими руководили советы, а когда они власть взяли — стала руководить партия большевиков»». Отделы образования и партработники докладывали и о других «антисоветских» заявлениях: Восходов говорил учащимся, что «кулак — не эксплуататор», Погорелова отрицала советский тезис о классовой борьбе среди крестьян, Боженова «публично выступала против диктатуры пролетариата», Тумаревская «откровенно» призналась, что была «долгое время противником советской власти», Чернышев заявил, что нехватка продуктов питания и товаров ввергла Советский Союз в самый настоящий кризис, Макагон после гибели Кирова сказал, что всех коммунистических лидеров надо бы убить, а Бурилев жалел своих учеников за то, что «этим несчастным детям приходится расти в Советском Союзе». В Свердловской области учитель переписал пропагандистский плакат, заменив лозунг «Конституция — основа демократии» на «Конституция — основа деспотизма» [31].

Изменения, которые происходили в стране, осмысление происходящих событий наталкивали детей на множество вопросов,

на которые ответы им не давали. Учителей пугали такие вопросы. В Бобровской неполной средней школе (НСШ) Ворошиловского района ученики V класса на политбеседе заявили, что колхозы не нужны, в них голод, один ученик задал вопрос: «Почему я никогда не читал газет про плохие колхозы, а все только про хорошие пишут». Другой ученик заявил, что один человек, приехавший из-за границы, рассказывал, что там нет нищих, а в СССР есть [22, л. 120]. Такие заявления и вопросы ставили в тупик. Отвечать на такие вопросы и заявления учителя были не готовы. Или должны были проявлять свою крайнюю убежденность в правильности курса партии. А реагировать должны были обязательно. Иначе их бездействие оценивалось как «проникновение классово-враждебных» влияний на учащихся. За бездействие учителя также могли быть наказаны.

Ужесточение насильственных действий в отношении учителей произошло во второй половине 1937 г., после «сфабрированного» так называемого «Дела Наркомпроса». Последовали аресты и обвинения во вредительской деятельности высшего руководства системы образования. Были арестованы руководители наркомата, в том числе в октябре 1937 г. арестован, затем казнен нарком просвещения РСФСР Андрей Сергеевич Бубнов и многие представители Наркомпроса, профсоюза и местных отделов образования.

Областные и районные комитеты ВКП(б) регулярно заслушивали отчеты органов народного образования и нижестоящих парткомов о проведении кампании всеобуча. Отмечалось множество недостатков. Но если в начале 1930-х годов за невыполнение спущенных сверху планов всеобуча чиновников на местах и учителей обвиняли в оппортунизме и наказывали в партийном и административном порядке, то в 1937-1938 гг. ситуация меняется — репрессивная практика стала носить массовый характер.

Были репрессированы руководители народного образования на Урале, обвиненные во вредительстве, срыве всеобуча как враги народа. Примером является так называемое дело 33 учителей, получившее общественный резонанс после выхода книги А. И. Солженицина в начале 1990-х гг. Руководитель Облоно И. А. Перель обвинялся в связи с «врагами народа», в умышленном срыве всеобуча и отсева учащихся из школ, низкой успеваемости и второгодничестве [14].

Полностью были обновлены составы Облоно, многих районных отделов народного образования. Большая часть назна-

ченных вновь заведующих районо имела лишь начальное образование, в лучшем случае семилетнее. Главным критерием при назначении таких руководителей становились не педагогическое образование и практический опыт работы, а политическая благонадежность. За шесть месяцев 1938 г. в Алапаевском районе сменилось пять заведующих районо [21, л. 34; 23, л. 79]. Обновленный состав органов народного образования должен был обеспечить выполнение всеобща на местах любой ценой, хотя во многих случаях профессиональный уровень новых управленцев не позволял справиться со сложными обязанностями.

Серьезной помехой в работе чиновников сферы образования был и страх перед возможным репрессированием. В докладной записке заведующего Егоршинским районо, составленной в 1938 г., содержится просьба прислать помощь из центра, так как руководитель не может справиться с многогранной, очень ответственной работой, не имея ни общего образования, ни профессионального опыта [25, л. 337]. Подобная ситуация сложилась и в Туринском районе. Заведующий районо Н. И. Томилов также был обеспокоен своей судьбой. В обращении к вышестоящей инстанции он писал, что вынужден руководить 89 школьными учреждениями, хотя закончил только 4 класса сельской школы. На учительской работе никогда не работал. Соответственно, у него нет ни опыта, ни образования, чтобы руководить районным отделом народного образования [26, л. 61].

Репрессии коснулись просвещенцев разного уровня, не только руководителей народного образования, но и простых учителей. Даже такие явления, как второгодничество и неуспеваемость в школах, партийно-государственные органы чаще всего пытались объяснить социальным происхождением учителей, их враждебным отношением к советской власти. В Осинском районе Свердловской области в 1937 г. «социально чуждыми» были объявлены учителя Козловский, Старцева, Шеломова, за что их уволили с работы [25, л. 154].

В 1937-1938 гг., когда политические репрессии достигли своего апогея и сталинское руководство начало спускать «планы» по выявлению «врагов народа» в регионы, местные партийные чиновники и работники НКВД, в том числе на Урале, стали фабриковать многочисленные «дела» о якобы существующих «контрреволюционных организациях». Часто в числе обвиняемых оказывались учителя, связанные с фигурантами дел либо родственными, либо деловыми, либо просто дружескими контактами. При этом основанием для обвинений

школьных работников во враждебной деятельности были в том числе конкретные недостатки в их преподавательской и общественной работе. Так, к «контрреволюционной организации» осенью 1937 г. органами НКВД был причислен директор Каргинской неполной средней школы (НСШ), учитель истории Манчажского района Свердловской области Н. И. Шестаков. Поводом для этого служило то, что его отец был в 1932 г. осужден на десять лет за участие в якобы существовавшей организации «Крестьянский союз» [1, л. 216].

Более того, основанием для обвинений в «контрреволюционной, вредительской деятельности» были факты о неготовности к новому учебному году школы, где Н. И. Шестаков был директором, о пьянстве преподавателя в рабочее время, компрометирующем учителя в глазах учеников. Манчажским отделом образования деятельность Шестакова была квалифицирована как «вредительская», его дело передано в следственные органы [1, л. 216]. Решением особой тройки при УНКВД Свердловской области он был обвинен в том, что являлся активным участником контрреволюционной повстанческой организации, занимался вредительской деятельностью, направленной против советской власти, и был приговорен к десятилетнему заключению в исправительно-трудовом лагере [1, л. 374]. Реабилитирован Н. А. Шестаков лишь 4 сентября 1958 г. решением Президиума Свердловского областного суда.

Стремясь отчитаться перед сталинским руководством о выполнении требований о выявлении «врагов народа», местные органы НКВД, в том числе на Урале, поводом для проведения репрессий считали обвинения в проведении контрреволюционной агитации. В этом случае часто к судебной ответственности привлекались учителя по статье Уголовного кодекса РСФСР 58-10, в результате того что граждане высказывали критические замечания в адрес партийно-советского руководства, критиковали советскую политику, рассказывали политические анекдоты. Поводом были и неосторожные, сказанные порой под воздействием «винных паров» фразы критического содержания в адрес советской власти. Так, 5 августа 1938 г. судебной коллегией Свердловского областного суда без участия сторон, с вызовом четверых свидетелей за «контрреволюционную пораженческую агитацию и дискредитацию советской власти» был приговорен к лишению свободы сроком на шесть лет с поражением в правах на три года А. А. Синягин, учитель по ликвидации неграмотности на тракторной базе г. Асбеста [3, л. 55]. Вся вина А. А. Синягина состояла в

том, что он в кафе-закусочной говорил, что «я кулак, никогда не работал и работать не буду при советской власти», что «надо стереть с лица земли советскую власть, и выражался нецензурно» [3, л. 28]. Подобного рода приговоры были характерны для конца 1930-х гг.

Наиболее жестоким наказаниям подвергались обвиненные в «шпионской деятельности», которая, согласно отчетам «компетентных органов», имела место среди различных слоев населения, в том числе на Урале. Приговоры судебных органов за шпионаж не имели никакой доказательной базы и единственным основанием для них были «признания» самих обвиняемых, «выбитые чиновниками НКВД незаконными методами физического и психологического воздействия». Удобной категорией населения для фабрикации такого рода уголовных дел были учителя как более образованная и мобильная группа населения.

Типичное явление в этой связи – уголовное дело учительницы начальной школы № 1 Михайловского завода Нижне-Сергинского района Свердловской области А. К. Пшеничниковой, арестованной в сентябре 1937 г. Выпускница гимназии, начавшая свою учительскую деятельность еще до революции, эта женщина не скомпрометировала себя ни в политической, ни в профессиональной, ни в личной жизни. Не было оснований для обвинения Анны Константиновны в «антисоветских» высказываниях, положительно оценивался ее учительский труд [2, л. 3, 7]. Основанием для привлечения ее к ответственности за шпионаж для органов НКВД был тот факт, что в 1920-е гг. А. К. Пшеничникова работала преподавателем на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в гимназии № 1 города Харбина, где она, согласно утверждению следователей, якобы была завербована японской разведкой [2, л. 18]. Никаких доказательств этого, кроме признания обвиняемой, в следственном деле не имеется. Смехотворность обвинений подтверждает и то, что ни с какими агентами японской разведки в СССР А. К. Пшеничникова никогда не встречалась и никакой информации никому не передавала. Да и какая информация учительницы могла интересовать иностранную разведку? В следственном деле приводятся лишь «признания» Анны Константиновны о том, что она «интересовалась настроениями интеллигенции... главным образом среди учителей». Эти сведения она могла передать японцам, но не передала [2, л. 9].

Тем не менее, А. К. Пшеничникова была признана виновной в шпионской деятельности в пользу Японии и решением комиссии

Наркома внутренних дел и Прокурора СССР от 28 ноября 1937 г. расстреляна [2, л. 14]. Характерно, что во время следствия А. К. Пшеничникова, пытаясь смягчить наказание, в качестве своих заслуг перед большевистской властью отметила тот факт, что в 1905-1907 гг. она вела революционную пропаганду против царского правительства, за что подверглась репрессиям [2, л. 7]. Однако это только усугубило ее положение, т. к. у работников НКВД в отчетах о проведенной «работе» необходимым являлось выявление контрреволюционной деятельности бывших троцкистов, меньшевиков, эсеров и т. д. Поскольку А. К. Пшеничникова в большевистской партии никогда не состояла, она вполне подходила к категории этих «контрреволюционеров».

Уголовное дело об учительнице Михайловской школы насчитывает лишь несколько десятков листов: за женщину, в то время одинокую, никто не заступился, в посталенинский период никто не хлопотал о ее реабилитации. Лишь в 1989 г. Указом Президиума Верховного Совета «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в 30-40-х гг. – начале 50-х гг.» от 16 января 1989 г. А. К. Пшеничникова была реабилитирована [2, л. 15].

С 1938 г. намечился обратный процесс – обвинения на обвинителей. Некоторые учителя были восстановлены в должности. Дела учителей И. А. Смородины и Катериночкина очень показательны в этом случае. И. А. Смородине, работавшему в школе в селе Большая Сосновка Сысертского района, 25 ноября 1937 г. были предъявлены обвинения «во вражеской вылазке». Обвинения учителю, проработавшему в школе 45 лет, состояли в том, что он «вводил черновые тетради, заставлял отвечать хором, чтобы скрыть отстающих учеников», а указания получал непосредственно от заведующего Облоно И. А. Переля [27, л. 1, 61]. И. А. Смородина был снят с работы. А 19 января 1938 г. в «Правде» была опубликована статья «Преступления старого учителя» [10. 1938. 19 янв.]. На основании этой публикации обвинение И. А. Смородины было «признано беспочвенным и политически вредным решением» [27, л. 1]. Катериночкин, обвиненный в написании «вредной методички», также был оправдан.

Американский историк Юинг Е. Томас в своей работе, написанной в том числе и на уральских материалах, справедливо указывает, что точное число репрессированных учителей в 1930-е гг. определить невозможно. Им приводится лишь примерная цифра – 3 %. Однако, как отмечает исследователь, несмотря на кажущийся небольшой

процент подвергнутых репрессиям школьных работников, за этой цифрой стоят десятки тысяч человек: увольнение ставило крест на их профессиональной карьере, и судьба их часто оказывалась трагической. Однако, если говорить о терроре в целом, то учителя пострадали меньше других профессиональных групп. Юинг Е. Томас ссылается в этом случае на воспоминания, впечатления учителей-эмигрантов, которые утверждают, что «по опасности профессия учителя стояла на десятом месте из тринадцати опасных» [31].

На протяжении 1930-х гг. ускоренными темпами создавалась сеть профессиональных учебных заведений для подготовки учительских кадров, однако масштабы ре-

прессий в сфере народного образования практически сводили на нет огромные государственные затраты на подготовку просвещенцев. Изъятие опытных педагогических кадров из системы образования еще больше усугубляло проблему с кадрами, что сказывалось на качественной стороне образования. Репрессии не могли дать положительных результатов. Полоса беззакония имела отрицательные последствия в сфере образования на многие годы. Страх, пережитый людьми в эти годы, привел к недоверию, подозрительности людей друг к другу, доносительству, деформировал психологию не только педагогов, но и учащихся. Искоренялось уважение к человеку как личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (далее ГААОСО). – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 33609.
2. ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 63600.
3. ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 76808.
4. ГААОСО. – Ф. Р-1. – Оп. 2. – Д. 9766.
5. Гришанов П. В. Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по осуществлению всеобщего обязательного обучения в годы строительства социализма // Гришанов П. В. Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по развитию народного образования. – Свердловск, 1972.
6. Культфронт Урала. – 1931. – № 7.
7. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. док-тов 1917-1973. – М. 1974.
8. Объединенный Государственный архив Челябинской области. – Ф. 288-п. – Оп. 1. – Д. 98.
9. Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома. – Свердловск, 1930.
10. Правда. – 1938. – 19 янв.
11. Просвещение на Урале. – 1930. – № 3-4.
12. Просвещение на Урале. – 1930. – № 6.
13. Просвещение на Урале. – 1931. – № 7.
14. Солженицин А. И. Архипелаг ГУЛАГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bookscafe.net/read/solzhenicyn_aleksandr-arhipelag_gulag-9300.html#p1 (дата обращения: 12.06.2017).
15. Сосновских С. В. Политические репрессии на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отечественной историографии : автореф. дис. ... канд. историч. наук. – Екатеринбург, 2010.
16. Суворов М. В., Протасова Э. Е. Репрессии против учителей Урала в 1937-1938 гг. // Парадигмы исторического образования в контексте социального развития : сб. науч. ст. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – Ч. I. – С. 179-182.
17. Уральский рабочий. – 1938. – 28 февр.
18. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО). – Ф. 4. – Оп. 8. – Д. 699. – Л. 126.
19. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 14. – Д. 22. – Л. 126.
20. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 14. – Д. 403.
21. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 15. – Д. 483.
22. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 15. – Д. 485.
23. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 15. – Д. 486.
24. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 33. – Д. 38.
25. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 33. – Д. 337.
26. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 33. – Д. 338. – Л. 61.
27. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 33. – Д. 350.
28. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 33. – Д. 485.
29. Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920-1937 гг.). – Свердловск, 1970.
30. Шилова И. С. Репрессивная политика советской власти в отношении технической и педагогической интеллигенции в 1930-е годы (по материалам Пермского региона) : автореф. дис. ... канд. историч. наук. – Екатеринбург, 2012.
31. Юинг Е. Томас. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы в 1930-х гг. – М. : Рос. полит. энциклопедия, 2011.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyy arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoy oblasti (dalee GAAOSO). – F. P-1. – Op. 2. – D. 33609.
2. GAAOSO. – F. P-1. – Op. 2. – D. 63600.

3. GAAOSO. – F. P-1. – Op. 2. – D. 76808.
4. GAAOSO. – F. P-1. – Op. 2. – D. 9766.
5. Grishanov P. V. Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Urala i Zapadnoy Sibiri po osushchestvleniyu vseobshchego obyazatel'nogo obucheniya v gody stroitel'stva sotsializma // Grishanov P. V. Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Urala i Zapadnoy Sibiri po razvitiyu narodnogo obrazovaniya. – Sverdlovsk, 1972.
6. Kul'tfront Urala. – 1931. – № 7.
7. Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola : sb. dok-tov 1917-1973. – M. 1974.
8. Ob"edinennyy Gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti. – F. 288-p. – Op. 1. – D. 98.
9. Ofitsial'nyy sbornik vazhneyshikh zakonov pravitel'stva, postanovleniy i rasporyazheniy Uraloblispolkoma. – Sverdlovsk, 1930.
10. Pravda. – 1938. – 19 yanv.
11. Prosveshchenie na Urale. – 1930. – № 3-4.
12. Prosveshchenie na Urale. – 1930. – № 6.
13. Prosveshchenie na Urale. – 1931. – № 7.
14. Solzhenitsin A. I. Arkhipelag GULAG [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: http://bookscafe.net/read/solzhenicyn_aleksandr-arhipelag_gulag-9300.html#p1 (data obrashcheniya: 12.06.2017).
15. Sosnovskikh S. V. Politicheskie repressii na Urale v kontse 1920-kh – nachale 1950-kh gg. v otechestvennoy istoriografii : avtoref. dis. ... kand. istorich. nauk. – Ekaterinburg, 2010.
16. Suvorov M. V., Protasova E. E. Repressii protiv uchiteley Urala v 1937-1938 gg. // Paradigmy istoricheskogo obrazovaniya v kontekste sotsial'nogo razvitiya : sb. nauch. st. / Ural. gos. ped. un-t. – Ekaterinburg, 2003. – Ch. I. – S. 179-182.
17. Ural'skiy rabochiy. – 1938. – 28 fevr.
18. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti (dalee TsDOOSO). – F. 4. – Op. 8. – D. 699. – L. 126.
19. TsDOOSO. – F. 4. – Op. 14. – D. 22. – L. 126.
20. TsDOOSO. – F. 4. – Op. 14. – D. 403.
21. TsDOOSO. – F. 4. – Op. 15. – D. 483.
22. TsDOOSO. – F. 4. – Op. 15. – D. 485.
23. TsDOOSO. – F. 4. – Op. 15. – D. 486.
24. TsDOOSO. – F. 4. – Op. 33. – D. 38.
25. TsDOOSO. – F. 4. – Op. 33. – D. 337.
26. TsDOOSO. – F. 4. – Op. 33. – D. 338. – L. 61.
27. TsDOOSO. – F. 4. – Op. 33. – D. 350.
28. TsDOOSO. – F. 4. – Op. 33. – D. 485.
29. Chufarov V. G. Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Urala po osushchestvleniyu kul'turnoy revolyutsii (1920-1937 gg.). – Sverdlovsk, 1970.
30. Shilova I. S. Repressivnaya politika sovetskoy vlasti v otnoshenii tekhnicheskoy i pedagogicheskoy intelligentsii v 1930-e gody (po materialam Permskogo regiona) : avtoref. dis. ... kand. istorich. nauk. – Ekaterinburg, 2012.
31. Yuing E. Tomas. Uchitelya epokhi stalinizma: vlast', politika i zhizn' shkoly v 1930-kh gg. – M. : Ros. polit. entsiklopediya, 2011.